

ИТОГИ



«Братья Карамазовы». Режиссер — Люк Персеваль. Театр «Талия» (Гамбург, Германия).

Чтобы взлететь, надо потерпеть?

ЧЕМ УДИВИЛ 23-й ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «БАЛТИЙСКИЙ ДОМ»

Вообще фестиваль не завершен: московского «Евгения Онегина» Римаса Туминаса петербуржцы увидят аж через месяц. Но совершить попытку обзора уже, конечно, пора.

«РУССКИЕ!» И «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ»

Первый спектакль программы — «Русские!» режиссера Иво ван Хове и «Сон в летнюю ночь» Кирилла Серебренникова — на данный момент последний номер программы — созданы словно по одному принципу. Несмотря на обилие «придумок», зритель терпит скучное многочасовое действие, чтобы к финалу произошел сдвиг — и спектакль взлетел.

Спектакль «Русские!» Театра «Тоннельгрупп Амстердам», который и дал фестивалю заголовок, — спаренные пьесы Чехова «Платонов» и «Иванов». Если первое действие — невыносимо томительный литературный театр (много разговаривают, да все впустую), второе действие — настоящий сериал (накал страстей, впрочем, еще не рушит преграду между сценой и залом), то третья часть — живая и обаятельная трагикомедия. Артисты раскованно и легко балансируют между фарсом и нежностью, вызывая у зрителей сострадание с насмешкой и позволяя увидеть в персонажах себя.

«Сон в летнюю ночь», поставленный в «Седьмой студии» (она возникла пару лет назад из актерско-режиссерского курса Серебренникова), добрую половину действия казался вульгарной адаптацией, необаятельной игрой на территории массового сознания. Полнокровие и волшебный эротизм комедии Шекспира воплощены при помощи, например, андрогинных персонажей (почти голый, не считая женских трусиков, высоченный мужчина — штрих для этого спектакля характерный) и атмосферы школьного выпускного вечера. И даже регулярные перемещения зрителей по затемненным про-

сторам «Балтийского дома» не вызвали азарта.

Волшебство наступило потом, когда публику, до этого блуждавшую от фойе до репетиционной и обратно, пригласили наконец на сцену, где персонажи Шекспира разыграли историю Пирама и Фисбы из Овидия. И вот тут, когда режиссер от эпатажного, «порочного» театра резко свернул к театру простодушному и наивному, спектакль переродился в жанре. Артисты доверились неуклюжим словам древней литературы — и получилась трепетная мистерия о любви.

«ОБЛОМОВ», «РАЙ» И «УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ»

На подобном сломе, переключении жанра держались почти все спектакли. Каждое из двух действий «Обломова» Алвиса Херманиса (постановка Нового рижского театра, пожалуй, лучший номер фестиваля) казалось отдельным спектаклем. Сперва — подробная, почти гиперреалистичная жизнь в квартире середины XIX века; затем — яркий театральный рассказ о любви и смерти Обломова. Чудесный актер Херманис Гундарс Аболиньш своей игрой воплощает слова режиссера из интервью: «Это роман про какого-то сверхчувствительного человека. Обломов не вылезает из кровати не потому, что ленивый, а потому, что слишком хрупкий и нежный для жизни».

Смещение координат было не только внутри спектаклей, но и в плане режиссерского пути. Вернее, в плане зрительского восприятия того или иного режиссера. Кто бы мог подумать, что «Рай» Эй-

мунтаса Някрошюса, «царя и бога» этого фестиваля, окажется таким мертвым, иллюстративным и таким томительным? Хотя идет при этом меньше полтора часов.

Кто бы мог подумать, что другой мэтр литовского театра, Оскар Коршуновас, известный у нас как формалист-эксцентрик (вспомним «Укрощение строптивой» в Александринке), окажется настолько тонким, ранимым и вместе с тем лиричным? Вместо броских театральных приемов — тихое камерное действие, которое взяло зрителей в плен и шокировало. Перемонтировав пьесу «На дне», Коршуновас убрал действенные пружины и оставил рыхлые, статичные монологи. Они и составили основу этого спектакля, который стал отчаянной исповедью современного общества.

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Метаморфоза случилась и с любимцем «Балтийского дома» Люком Персевалем. Смелый радикал, вскрывающий язвы общества, он склонен подчинять структуру пьесы себе. Текст «Отелло», показанного несколько лет назад здесь же, был соткан из мата. Но в «Братьях Карамазовых» Персеваль показал себя почти представителем литературного театра — с трепетным отношением к авторскому слову и структуре романа. И от этого собственно режиссерская история не выстроилась — при всей силе отдельных эпизодов.

В общем, фестиваль, как ни относись к отдельным его спектаклям, сдвинул привычное восприятие, дезориентировал и стал очень полезным опытом. Теперь свою картину театра — и картину жизни — придется основательно пересмотреть.

Евгений АВРАМЕНКО
Фото предоставлено пресс-службой
гамбургского театра «Талия»

КУЛЬТ.УРА!

Красивый, но тревожный юбилей

XX ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ НАШЛА СВОИХ ГЕРОЕВ

ЛАУРЕАТАМИ-2013 стали режиссер и худрук МДТ — Театра Европы Лев Додин, писатель Аркадий Арканов, актер Сергей Дрейден, основатель Музея русской иконы в США Гордон Лэнктон, поэт Юрий Кублановский, легенда БДТ народная артистка СССР Людмила Макарова (к сожалению, она заболела и не смогла быть на церемонии в Царскосельском лицее), ТВ-ведущий Лев Щеглов. Их награждали: директор Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Некрасов, поэт и композитор Александр Горюничкин, писатель Семен Альтов, главный художник БДТ и писатель Эдуард Кочергин, писатель Илья Штемлер, режиссер Юрий Мамин, художник Дмитрий Шагин и другие.

Приветственную речь по традиции произнес Сергей Некрасов, и в ней кроме слов о высоком предназначении Царскосельской премии, ее исторических корнях мелькнула тревожная мысль, что подготовка к юбилейной церемонии шла непросто, был даже момент, когда устроители подумали о завершении всей этой истории...

И все это не случайность, а вполне логичная ситуация. За 20 минувших лет (огромный срок для любой премии, тем более художественной!) лауреатами стали не меньше ста выдающихся деятелей литературы и искусства — замечательная плеяда звезд советского периода. В последующих поколениях все трудней найти им равных, а учредители премии держат высоту, заданную лауреатами двадцати- и десятилетней



Лев Додин с наградой.

давности. Тем самым премия волей-неволей все дальше отрывается от реалий нынешней отечественной культуры. Естественно, на такой ностальгический проект все трудней найти спонсоров и меценатов. Отсюда проблемы художественного и материального свойства. Ясно, что в таком виде премия может продержаться от силы три — пять лет, и потом награждать будет просто некого, да и меценаты-царскоселы, семья Блотнеров, не могут же все время финансировать проект из своего кармана...

Сегодня есть несколько вариантов «спасения» Царскосельской премии, все будет зависеть от ее учредителей, от экспертного совета, а это умнейшие, опытные люди с большими связями. Можно не сомневаться, что они примут правильное решение. И мы примем любое, кроме одного. «Закрывать» такую петербургскую премию нельзя. Но ясно также, что, если премия намерена жить и процветать еще 20 лет, ей нужны мудрые перемены...

Михаил АНТОНОВ
Фото Михаила САДЧИКОВА-мл.